

Игорь Гаспаров*

Рецензия на книгу Ф. Вендта «Libertäre politische Philosophie»

Книга молодого немецкого философа Фабиана Вендта¹ посвящена систематической реконструкции и критике политической философии либертарианства. Автор ставит своей целью рассмотреть либертарианство не столько как реальное политическое течение, сколько как систему политической философии, которая, исходя из безусловного морального права личности на свободу, пытается обосновать определенное политическое устройство общества. Книга построена как ответ на два главных вопроса. Первый вопрос, которым задается автор в своем сочинении, это вопрос, насколько либертарианство является внутренне когерентной политической философией. В качестве второго вопроса автор рассматривает вопрос о том, должны ли мы признать либертарианство «правильной» политической философией?

Либертарианство – сравнительно молодая политическая философия. Несмотря на корни, уходящие в труды Дж. Локка и Г. Спенсера, она появилась в США во второй половине XX века. Ее основные представители – Р. Нозик, Айн Рэнд и М. Ротбанд. Основной политико-философский тезис либертарианцев гласит, что единственная, оправданная функция государства состоит в защите жизни и собственности граждан. Сбор налогов на любые другие цели, как то образование, здравоохранение, или создание транспортной инфраструктуры, является ущемлением прав граждан. Государство, соблюдающее права граждан, может быть только «минимальным». Такое общественное устройство вытекает, по мнению либертарианцев, из безусловности морального права личности на свободу. Аргументация в пользу «минимального государства» является моральной, а не экономической. Либертарианское государство необязательно окажется

* Об авторе: Гаспаров Игорь Гариевич, к. филос. н., старший преподаватель Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко, руководитель отделения психологии бизнеса Воронежского института практической психологии и психологии бизнеса.

1 Wendt F. Libertäre politische Philosophie. – Paderborn: Mentis, 2009.

экономически более процветающим, чем его не-либертарианские аналоги. Однако, только минимальное государство морально оправданно. В этом заключается главное отличие либертарианства от классического экономического либерализма, в котором принцип *laissez-fair* и невмешательство государства оправдываются проистекающими из них экономическими выгодами.

Две первых главы книги подготавливают концептуальный аппарат для ответа на два основных вопроса, рассматриваемых в последующих главах. Первая глава посвящена анализу понятия «свобода», вторая – понятию «право», двум китам, на которых покоится философия либертарианства. В третьей главе автор дает положительный ответ на вопрос, является ли право на свободу единственным основанием либертарианства. А в четвертой отрицательно отвечает на вопрос, является ли либертарианство единственно правильной политической философией, выступая за необходимость плюрастической политической философии, в которой однако должно быть отведено достаточно место праву на свободу. Как следует оценить выводы эти выводы автора?

Начнем с рассмотрения анализа основных понятий либертарианской философии, который дает автор. В отношении понятия свобода Ф. Вендт предлагает различать между дескриптивной, нормативной свободой действия и свободой воли. Дескриптивная свобода действия касается фактической способности субъекта совершить то или иное действие. Нормативная свобода действия имеет дело с разрешением или запретом совершать то или иное действие. Свобода воли касается возможности субъекта действовать иначе, чем он действует фактически. Поскольку вопрос о свободе воли – это вопрос метафизики, а вопрос о нормативной свободе относится скорее к вопросу о праве, то автор полагает, что центральным аспектом анализа понятия «свобода» применительно к философии либертарианства является анализ дескриптивной свободы.

Относительно дескриптивной свободы Ф. Вендт задает два вопроса: 1) Какого рода препятствия релевантны для этой свободы: все или только созданные человеком? 2) Является ли свобода относительной желанию или нет? На второй вопрос автор отвечает отрицательно, аргументируя тем, что признание того, что свобода относительна желанию, выхолащивает само понятие свободы. Так как если свобода относительна желанию, то можно стать свободным, отказавшись от желания. Однако, парадигматический случай несвободы – это тюрьма или рабство. По мнению Вендта, любое определение дескриптивной свободы

должно отвечать этому случаю. Однако, очевидно, что человек не желающий выходить из тюрьмы или изменить свое рабское состояние будет, с точки зрения относительного понимания свободы, свободным. Следовательно, относительное понимание свободы не позволяет адекватно объяснить случаи тюрьмы или рабства. Вендт идет дальше, утверждая, что свобода или несвобода должны рассматриваться не только как независимые от желания, но и как независимые от знания или незнания, состояния. Если человек находится в запертой комнате, то он свободен выйти из нее, независимо от того, думает ли он, что комната заперта, или думает ли он, что комната открыта. Тогда как человек, находящийся в незапертой комнате, свободен независимо от того, думает ли он, что комната заперта, или думает ли он, что комната открыта. В общем виде можно сформулировать тезис Вендта как утверждение, что субъект действия *S* свободен или несвободен совершить действие *A* независимо от психической установки самого *S* по отношению к *A*. Однако, сформулированный в таком виде он не кажется таким уж правдоподобным. Представляется, что мои заблуждения могут быть препятствиями для моих действий. Например, если я убежден, что на самом деле открытая комната заперта, то мое убеждение, что комната заперта, может оказаться единственным препятствием для выхода из комнаты.

На свой первый вопрос автор отвечает, что только созданные человеком препятствия релеванты для свободы или несвободы. Ф. Вендт делает интересную попытку анализа понятия свобода через понятие способности (*Können*). Автор формулирует альтернативные концепции свободы следующим образом: Либо свобода эквивалентна способности как таковой, либо свобода эквивалентна только определенному подклассу способности. При этом способность понимается им как отсутствие препятствия к действию. Препятствия в свою очередь подразделяются на негативные и позитивные, с одной стороны, и внутренние и внешние, с другой. Негативные состоят в отсутствии чего-либо необходимого для осуществления действия, позитивные – в наличие чего-либо не позволяющего осуществить действие. Внешние относятся к окружающему миру, внутренние – к самому субъекту действия (*S*. 22-23). Ключевым различием между двумя понятиями свободы является то, что второе не предполагает ни того, что если субъект не способен осуществить действие, то он в силу этого уже несвободен осуществить это действие; ни того, что если субъект свободен осуществить действие, то он непременно способен его осуществить. Однако, оба понятия

предполагают, что если субъект способен осуществить действие, то он свободен его осуществить. Равно как и то, что если субъект не свободен осуществить действие, то он не способен его осуществить. Несмотря на то, что тот избранный Вендтом способ концептуального анализа свободы широко распространен в современной аналитической философии, мне кажется, что он не способен уловить специфику анализируемых понятий. Причина в исключительно экстенциональном характере отношения эквивалентности, связывающего понятия свободы и способности. Какое бы понятие свободы мы не рассматривали, верно, что если X совершает действие, то он способен его совершить. Далее, если X способен совершить действие, то он свободен его совершить (ср. S. 26). При этом если парадигмой несвободного действия считать действия раба, то они вопреки предположению оказываются свободными. Поскольку осуществляя любое, в том числе и несвободное действие, раб способен его совершить. А если раб способен совершить это действие, то он свободен его совершить. Таким образом, раб совершает все совершаемые им действия свободно, то есть, согласно любому из вариантов предлагаемого анализа, раб – свободен.

После подробного обсуждения различных проблем, связанных с обсуждением понятий, входящих в понятие свободы, Вендт приходит в конечном итоге к следующему определению свободы (S. 57):

X несвободен совершить Y если и только если

(1) X не может совершить Y по причине наличия препятствия Z;

(2) Z – результат активного и намеренного действия некоторого лица;

(3) X способен совершить Y при отсутствии Z и Z может быть устранено.

X свободен если и только и если условия (1) и (2) не выполняются. X не является ни свободным, ни несвободным, если и только условия (1) и (2) выполняются, а условие (3) не выполняется. Но, на мой взгляд, это определение не способно преодолеть главных трудностей на пути к адекватному анализу свободы. Почему только созданные людьми препятствия делают меня несвободным? Как связаны мои внутренние (психические) состояния со свободой или несвободой? Как связаны между собой свобода и принуждение?

Вторая глава книги посвящена анализу понятия «право». «Право», точнее «права», – второе фундаментальное понятие философии

либертарианства. Под «правами» в традиции, восходящей к Уэсли Хофилду, понимаются требования Z_s , которые лицо A может предъявить к некоторому лицу B , если A обладает Z_s . Поэтому право одного лица всегда предполагает наличие долга другого лица. В этом отличие права от «свободы», поскольку последняя предполагает как раз отсутствие долга (S. 80). Различие между «правами» и «свободами» является ключевым, по мнению Вендта, для понимания либертарианства, в основе которого лежит идея существования у каждого взрослого человеческого индивида морального права на свободу. Наиболее интересным и в то же время спорным тезисом второй главы представляется утверждение, что функцией всеобщих моральных прав является «анти-консеквенциалистская защита индивидов» (S. 104). Вместе с Р. Нозиком и другими сторонниками деонтологической этики Вендт полагает, что утилитаристский, или консеквенциалистский подход не допускает существования подлинных прав, так как ставит права в зависимость от их вклада во всеобщее благо. Подлинные же права должны быть свободными от этой зависимости и являться трансцендентальными «ограничителями» (side-constraints – термин Р. Нозика) по отношению к нашим действиям. С другой стороны, Вендт признает, что деонтологическая по его мнению природа права не делает каждое право абсолютным, а в некоторых ситуациях одно право может быть «перебито» другим более сильным правом, подобно тому, как в карточной игре старший козырь перебивает остальные карты. Однако, решение какое право является более весомым зависит от величины связанного с ним блага. В этой связи вопрос о независимости права от плохих и хороших последствий соблюдения этого права остается открытым, а вместе с этим и сама деонтологическая природа самих прав.

В третьей главе рассматривается вопрос: действительно ли либертарианство является последовательной монистической системой? Вендт разворачивает либертарианскую идею права на свободу как фундаментального морального права в виде четырех основных тезисов:

- (1) У каждого индивида есть одно единственное основное моральное право – право на свободу.
- (2) Право на жизнь и право на собственность – единственно возможный способ деления мира на сферы свободы.
- (3) Любая попытка перераспределить собственность на принципах справедливости является нарушением права собственности.
- (4) Только «минимальное государство» не нарушает права

индивида на свободу.

Функция первого тезиса состоит в том, чтобы разрешить противоречие между дескриптивным характером либертарианской свободы и нормативным характером морального права. Свобода оказывается не характеристикой отношений в либертарианской социальной модели, а предметом негативного права: Никому нельзя намеренно препятствовать действиям других индивидов, если эти действия сами не являются препятствиями для действий других. Это чисто формальный, близкий к кантовскому категорическому императиву принцип. Второй тезис наполняет этот формальный принцип содержанием в виде идеи собственности как способа деления изначально ничейного материального мира на сферы свободы. Право собственности на свое тело дополняется правом собственности на другие вещи. Согласно Вендту, нормативный статус собственности состоит в двух базовых отношениях: (1) никто не имеет права использовать мою собственность без моего согласия; и (2) никто не имеет права препятствовать мне в использовании моей собственности (S. 120). Таким образом, право на свободу выражается в праве на жизнь (праве собственности на свое тело) и праве собственности на объекты внешнего мира. Однако, обоснование идеи собственности как единственно возможного способа деления мира на сферы свободы остается в целом неудовлетворительным, поскольку автор не отвечает на три фундаментальных вопроса, без ответа которые нельзя удовлетворительно обосновать идею собственности. Первый вопрос, который автор даже не задает в своей работе, – это вопрос: Как в ничейном мире появляется нечто чье-то? Второй вопрос, который обсуждается лишь вскользь: В силу чего нужно считать некоторое тело своим? И третий вопрос, которому Вендт посвящает достаточно много места: На каком основании нечто, кроме моего собственного тела, может быть моим? Однако, ответ на него остается так до конца и не проясненным. На мой взгляд, проблема заключается в том, что сама идея собственности как нормативного отношения неразрывно связана с идеей права и справедливости. В гипотетическом естественном состоянии, где ничто не принадлежит никому, никто не имеет права ограничивать ничьи действия. Однако, действие само по себе еще не имеет определенной нормативной силы. Кажется, что его оправдание заключается в чем-то еще, что является источником его правомерности. Трудно представить, что этим источником может быть только запрет на причинение препятствия для

действия другого. Источник морального права должен иметь и позитивный аспект. Например, некоторую ценность, ради которой совершается действие. Только когда понятно место ценности, ради которой совершается действие, по отношению к другим ценностям, можно принимать решения, стоит ли совершать действие, направленное на ее достижение, или нет; или же необходимо препятствовать такому действию, если его совершает другое лицо. С другой стороны, сама идея права настолько тесно связана с идеей справедливости как способа деления мира на сферы свободы, а идея свободы с идеей ценности как цели действия, что претензия либертарианства на право на свободу как фундаментальное основание своей политической философии, подспудно делает его плюралистической теорией, в основание которой заложены, как идея справедливости, так и идея позитивной свободы. Таким образом, вряд ли можно полностью согласиться с мнением автора, что либертарианство – это чисто монистическая теория.

Четвертая глава посвящена проблеме морального обоснования либертарианского права на свободу. Вендт рассматривает три попытки морально оправдать учение о минимальном государстве: утилитаризм классического либерализма, этику добродетели сторонников Айн Рэнд и неогоббсовский контрактуализм. Каждую из этих попыток автор по разным причинам считает неудавшейся. Проблема «классического либерализма» заключается, по мнению автора, в том, что он в силу своей утилитаристской направленности не способен обосновать деонтологическую функцию права на свободу, с одной стороны, и вынужден признать законность более широкого вмешательства государства, чем это позволяет делать теория «минимального государства», с другой (S. 198). Аргумент, сформулированный в терминах этики добродетели, хотя и является, с точки зрения автора, формально валидным, но предполагает принятие неоправданных, опять же с точки зрения автора, посылок, к которым он относит квази-аристотелевское учение о природе и характере человека (S. 215). Слабость неогоббского контрактуалистского обоснования состоит, что в нем отсутствуют права в подлинном смысле слова. Контрактуализм способен обосновать только разумность поведения, внешне похожего на либертарианские права, но не сами эти – деонтологические по природе – права, за которые выступает либертарианство. А поскольку либертарианство, по мнению Вендта, немислимо без таких прав, то контрактуалистское обоснование также оказывается несостоятельным (S. 242). Главная проблема этих рассуждений, на мой взгляд, заключается в том, что автор слишком

сильно ставит удачность морального обоснования либертарианства в зависимость от деонтологической природы права, которая, возможно, не столь очевидна, как это им предполагается. В этой связи интересно отсутствие попыток обосновать минимальное государство именно с позиций деонтологической этики. Тогда как если считать либертарианство деонтологической теорией, то было бы естественно ожидать обоснований, прежде всего, в рамках наиболее близкой традиции. Тем не менее, это не так.

В заключении сам Вендт выступает за отказ от чистого либертарианства и принятие плюрастической философии, которая бы наряду с правом на свободу интегрировала в себя и другие принципы, например, право на помощь в трудной жизненной ситуации. В целом, можно сказать, что книга Ф. Вендта будет интересна и полезна всем, кто хотел бы познакомиться с многообразием современной либертарианской мысли. Она хорошо структурирована, написана ясным языком, побуждает размышлять вместе с автором. Хотя иногда следить за ходом мысли мешает изобилие встречающихся в ней цитат.